

Глава 7: Кого бы он ни пытался подцепить, Лу Сюй всё равно не клюнет

После того как напряжение немного спало, на затылке у Цзян Жаня выступила лёгкая испарина.

От дуновения ветра внизу живота стало прохладно, а на щеках проступил нежный румянец.

Цзян Жаню казалось, будто он что-то забыл, но вспомнить никак не удавалось. Поэтому он лениво открыл глаза и некоторое время рассеянно смотрел перед собой, всё ещё погружённый в приятное послевкусие расслабленности.

Лишь спустя некоторое время он медленно поднялся, взял одежду и отправился в ванную.

Цзян Жань любил воду погорячее, отчего его лицо стало ещё более румяным.

Чёрные пряди со лба были отброшены назад, и черты лица сразу стали ярче. На изящном лице выступил лёгкий румянец, а в глазах и бровях ещё не успела исчезнуть весенняя нежность — он напоминал цветущую бегонию, омываемую дождём под ветром.

После душа Цзян Жань снова заказал еду, чтобы набить желудок.

Разумеется, это была не «Пинхаофань».

Хотя Цзян Жань испытывал давление из-за того, что тётя просила денег на дополнительные занятия для младшего двоюродного брата, в быту он себя не ущемлял.

Есть так есть, пить так пить, а потом...

Цзян Жань вдруг вспомнил.

Он забыл ответить мужу!!!

Чёрт, он только и думал о том, как ему хорошо, и совершенно забыл, что его краш тем временем ест «Пинхаофань» и несчастно перерабатывает, зарабатывая себе на жизнь!

Цзян Жань в два приёма доел ужин, поспешно взял телефон и немного подумал, что ответить.

Он и без того плохо умел поддерживать разговор. Долго ломал голову, но так и не смог придумать тему и не знал, как утешить краш, поэтому мог лишь ответить хоть чем-нибудь.

[Цзян Жань: Я тоже наелся.]

.....

На рабочем столе телефон слегка завибрировал.

Взгляд Лу Сюя тут же переместился с финансового отчёта на телефон.

Экран загорелся — всплыло сообщение от маленького охотника за выгодой.

Лу Сюй слегка удивился.

Он уже почти забыл об этом эпизоде, но, неожиданно, Цзян Жань снова написал ему. Надо же,

какое упорство.

Он не хотел отвечать и вновь перевёл взгляд на работу.

Через некоторое время экран автоматически погас.

Уголок губ мужчины дрогнул, тонкие губы слегка напряглись. Лу Сюй медленно выдохнул и всё-таки взял телефон, чтобы посмотреть сообщение.

[Цзян Жань: Я тоже наелся.]

Через минуту Цзян Жань прислал ещё и милый стикер с зайчиком.

На нём маленький белый кролик после еды потирал животик, а его ушки подрагивали. Он выглядел ленивым и довольным, а заодно словно намеренно старался понравиться.

Лу Сюй слегка нахмурился.

Каких только комплиментов Лу Сюй не слышал и не видел? Такая неуклюжая фраза совершенно не вызывала у него желания отвечать.

Он предпочёл проигнорировать сообщение.

Лу Сюй продолжил работать, а затем тихо усмехнулся.

Маленький охотник за выгодой ещё и строит ему глазки — думает, что Лу Сюй ничего не понимает?

Стоило ему сказать, что он ест «Пинхаофань», как Цзян Жань тут же перестал называть его мужем.

Раньше Лу Сюй просил его не называть его так — а тот словно не слышал.

Но стоило узнать, что он не богач, как Цзян Жань мгновенно провёл чёткую границу в обращении. Скорость, с которой он переменился, действительно поражала.

Хотя это как раз устраивало Лу Сюя и избавляло его от лишних проблем, всё же он испытывал лёгкое раздражение.

Но раз всё сложилось так, как он хотел, не было смысла продолжать держать его в друзьях.

После работы он удалит его из контактов.

.....

Цзян Жань, обняв телефон, несколько раз перекатился по кровати.

Его идеальный мужчина такой занятой, даже не отвечает.

Цзян Жань взглянул на время — уже почти девять вечера.

...Что это ещё за ужасная компания?!

Разве это не нарушение трудового законодательства? Разве можно настолько эксплуатировать людей?

Цзян Жань немного жалел его, а заодно не мог не гадать, кем работает LX.

Напрямую спросить он тоже не решался. Во-первых, они только недавно добавились и ещё недостаточно близко знакомы — задавать такие личные вопросы было бы невежливо. Во-вторых, человек и так раздражён тем, что приходится так поздно работать. Если он без чувства такта спросит о работе, разве не ткнёт прямо в больное место LX?

Цзян Жань считал себя очень тактичным.

Он подумал и решил, что с такой загруженностью LX, наверное, программист.

Возможно, ещё и работает в крупной компании, поэтому у него столько переработок.

Но потом вспомнил, что краш очень хорошо одевается. Наверное, программистом он всё-таки не был.

У программистов ведь нет обязательного требования ходить на работу в костюме... Тогда, может, LX работает в продажах? Или продаёт страховки?

Пофантазировав некоторое время, Цзян Жань всё-таки захотел поговорить с крашем.

Его белоснежные мочки ушей снова покраснели — ему казалось, что он слишком прилипчивый.

Он и представить не мог, что после того, как кто-то ему понравится, станет таким. Совсем на себя не похож.

Но LX ему не отвечал, а Цзян Жань и сам не знал, о чём ещё говорить.

Он ведь изначально плохо умел поддерживать разговор.

И вдруг Цзян Жань вспомнил совет Лян Шэня. Его пушистая голова тут же приподнялась.

Точно! Соблазнение!

Как там было? Кажется, тот говорил, что мужчины вроде бы любят вот этот приём с «зелёным чаем».

Цзян Жань открыл телефон и срочно принялся повторять материал.

Но, перечитав всё ещё раз, снова сник.

Да это же ещё развратнее, чем он думал. Неудивительно, что тогда он сразу отказался следовать этому совету!

Что это вообще за совет такой?!

В первый же день знакомства отправлять человеку фотографию ног — а вдруг краш сочтёт его легкомысленным?!

Нет, такую фотографию точно нельзя отправлять.

Но... но можно же отправить что-нибудь не настолько развратное! Цзян Жань внезапно увидел решение.

В конце концов, отношения — это ведь как раз демонстрация своих достоинств.

Особенно в интернет-знакомствах, когда люди не могут встретиться лично, фотографии действительно очень важны.

Цзян Жань прекрасно знал, что недостатков у него целая куча. Характер замкнутый, сам он словно гриб, который забился в угол и медленно покрывается плесенью.

Но зато он очень красивый. Внешность — одно из немногих его достоинств.

Однако отправлять фотографию напрямую ему было нельзя.

Это выглядело бы слишком нетерпеливо, слишком очевидно.

Цзян Жань интуитивно решил, что лучше проявить немного сдержанности.

Он открыл галерею и принялся искать подходящий снимок, решив выложить селфи в ленту.

Разумеется, так, чтобы его видел только LX.

В галерее Цзян Жана хранилось больше тысячи собственных фотографий.

Но вовсе не потому, что он был самовлюблённым. Маленькие художники наверняка прекрасно понимают этот принцип: порой самое сложное в рисовании — найти подходящий референс. Для неудобного ракурса, чтобы разобраться с перспективой, пропорциями и всевозможными углами, иногда приходится искать материал целую вечность. Цзян Жань терпеть не мог лишних хлопот, поэтому, когда не мог найти нужный референс, просто фотографировал себя сам. Так со временем и накопилась эта огромная коллекция.

К тому же Цзян Жань был социофобом и в обычной жизни не решался смотреть людям в глаза. Выражения лица и мимика всегда были его слабым местом, поэтому в галерее было полно крупных селфи с его лицом.

После долгих поисков Цзян Жань остановился на фотографии, где сидел на корточках на стуле, обеими руками обхватив большой стакан с мультяшным чехлом и трубочкой.

На юноше была просторная тонкая белая футболка, но открытая кожа привлекала взгляд ещё сильнее, чем белоснежная ткань. Она была гладкой, нежной и словно сияла под тёплым светом. Тонкие ключицы выступали из-под воротника — худые, но не болезненно костлявые.

Вьющиеся волосы придавали ему чистый и мягкий вид, а слегка надутые розовые губы с соломинкой во рту резко контрастировали с его темными круглыми глазами, которые не смотрели в камеру, из-за чего его длинные ресницы казались еще более завитыми, как у тщательно ухоженной шарнирной куклы.

При этом открытой кожи было ровно столько, сколько нужно, и фотография совершенно не выглядела двусмысленной или провокационной.

Цзян Жань немного колебался, сначала отправил фотографию своему другу детства и спросил:

[Цзян Жань: Как тебе, нормально вышло?]

[Лян Шэнь: Вполне. А что?]

Цзян Жань обрадовался.

[Цзян Жань: Спасибо!]

[Цзян Жань: Ты тоже очень красивый ^ ^]

[Лян Шэнь: ?]

Но Цзян Жань уже не обращал на него внимания. Наконец успокоившись, он выложил фотографию в ленту и установил доступ только для LX.

После публикации сердце Цзян Жаня бешено забилося.

Впервые в жизни он настолько активно пытался кого-то завоевать.

Интересно, краш увидит?

Должен увидеть. Если он обычный офисный работник, наверняка добавляет коллег, а может, ему приходится просматривать публикации начальства или клиентов.

Настроение Цзян Жаня стало ещё лучше, и тучи, весь день нависавшие над его головой, незаметно рассеялись.

Более того, прямо сейчас его внезапно посетило вдохновение!

Иссохшее вдохновение словно получило живительную влагу и внезапно хлынуло фонтаном, заполняя его голову.

Цзян Жаню стало уже не до его зарождающихся отношений. Он открыл графический редактор и принялся рисовать коммерческий заказ, на который у него уже был контракт.

Зарабатывать деньги всё-таки важнее.

Только имея деньги, можно свободно влюбляться и содержать бедненького мужа.

Только имея деньги, можно позволить себе помогать дяде и тёте.

Только имея деньги, можно поскорее купить собственный маленький дом.

.....

Когда Лу Сюй покинул компанию, уже опустилась ночь.

Редкие звёзды висели в чёрном небе, а высокие зелёные насаждения вдоль дороги стремительно проносились мимо, словно жуткие лесные тени, отражаясь в окне автомобиля.

Лу Сюй сидел с закрытыми глазами, отдыхая.

В силу характера его работы постоянная занятость давно стала для него нормой.

На самом деле Лу Сюй вовсе не нуждался в настолько интенсивных переработках, но, будучи человеком, принимающим решения на высоком уровне, он работал столько, сколько считал нужным, исключительно ради собственного развития и развития компании. А заниматься тем, что приносит выгоду ему самому, невозможно назвать вынужденным.

К тому же работа была его жизнью. Он давно привык к такому ритму.

Внезапно в тихом салоне резко зазвонил телефон.

Лу Сюй опустил глаза.

На экране высветилось имя: [Чжао Цзицзя].

Он бессознательно нахмурился, одной рукой потёр уставшие брови и ответил:

— Мам.

Раздался мягкий женский голос:

— Лу Сюй. Уже так поздно, ты поужинал?

— Да.

— Вот как, — снова спросила Чжао Цзицзя. — Уже закончил работу? Где ты?

— Только что вышел с работы. Сейчас еду домой.

На том конце послышался тихий долгий выдох женщины, после чего она элегантно произнесла:

— Лу Сюй, не думай, что я собираюсь тебя хвалить или говорить, какой ты трудолюбивый.

— Во-первых, это твоя обязанность. Во-вторых, если ты задерживаешься в компании до такого позднего часа, это вовсе не заставляет людей считать тебя усердным и ответственным. Напротив, это лишь портит их впечатление о тебе: они решат, что твоих рабочих способностей недостаточно. Понятно?

Лу Сюй промолчал.

Она продолжила наставления:

— Ты — лицо компании, руководитель Фэнтин. Твой образ представляет собой образ всей Фэнтин. Как ты думаешь, партнёры станут сотрудничать с человеком, который даже собственные рабочие задачи не способен быстро и качественно выполнить?

Лу Сюй совершенно неожиданно получил очередной удар.

Но выражение его лица по-прежнему оставалось спокойным, а сам он безмятежно выслушивал её. Он давно привык к подобному воспитанию матери, построенному на риторических вопросах.

— Ещё что-нибудь?

На том конце повисла пауза. Похоже, Чжао Цзицзя была немного недовольна тем, что Лу Сюй не поддерживает разговор, однако спорить не стала и перешла к тому, ради чего звонила:

— Лу Сюй, твой отец пришёл в ярость. Говорит, что ты слишком радикален и тебе нельзя доверить большие дела. Как бы там ни было, он твой отец, тебе не следовало с ним так...

— Он сказал, что хочет отправить Лу Минхуэя в Фэнтин набираться опыта.

Лу Сюй прямо перебил её.

Чжао Цзицзя замерла, а затем её голос резко стал пронзительным:

— Что?

— Я не согласился, поэтому он и разозлился, — небрежно ответил Лу Сюй, ни словом не упомянув о том, что предложил Лу Минхуэю должность уборщика в Фэнтин.

Чжао Цзицзя холодно хмыкнула и вновь вернула голосу элегантность:

— Ты поступил правильно. Пока можешь не вмешиваться. Я сама разберусь.

На этом разговор закончился.

Уголок губ Лу Сюя чуть приподнялся, а взгляд стал холодным и мрачным, с оттенком насмешки.

Вот такие у него родители — те самые, которым все завидовали, которых называли идеальной парой и чей брак считался прекрасной историей в деловых кругах.

Они появлялись в журналах, давали интервью, демонстрировали нежность и близость, открыто рассказывали о воспитании детей и своей вечной любви.

Их успешный деловой брак считался лучшим образцом для подражания в деловом мире.

Однако и у Лу Цзинвэй, и у Чжао Цзицзя были любовники. Причём не по одному.

Но они заключили между собой тайный договор: все развлечения оставались исключительно на стороне, любовников никогда не приводили домой и не позволяли им попадаться на глаза СМИ. Иначе их публичный образ рухнул бы, что нанесло бы ущерб и их карьере.

Но в конце концов Лу Цзинвэй всё-таки предал жену и сына.

Его любовница родила внебрачного ребёнка — Лу Минхуэя.

Чжао Цзицзя была крайне недовольна. Они сильно поссорились, и неизвестно, что именно Лу Цзинвэй ей пообещал, но в итоге всё удалось уладить.

Однако отношение Чжао Цзицзя к этому внебрачному сыну всегда оставалось плохим. Она всячески не позволяла ему вмешиваться в семейный бизнес.

Лу Сюй был их самым совершенным творением.

С детства его воспитывали по самым строгим стандартам.

Если он был выдающимся, это считалось само собой разумеющимся.

Стоило ему проявить себя хоть немного хуже, как его ждало суровое наказание.

Когда он родился, оба родителя были полны амбиций и строили грандиозные планы в бизнесе, поэтому относились к нему особенно строго.

Но теперь, когда семейное состояние стало огромным, Лу Цзинвэй вдруг начал проявлять отцовскую любовь к младшему сыну, словно неожиданно научился быть отцом.

Это было до смешного нелепо.

Впрочем, Лу Сюй не расстраивался.

Он давно перерос тот возраст, когда нуждался в утешении и мечтал о любви.

Предпосылкой для жажды любви является наличие самой любви.

А в их семье такой безусловной любви не существовало.

Они все были бизнесменами, а обмен выгодами был у них в самой крови.

Если хотелось получить их любовь, нужно было что-то за неё отдать: хорошие оценки, похвалу, успешную карьеру.

Но Лу Сюй не признавал такую любовь.

Поэтому он больше не пытался, как в детстве, гнаться за тем, чего не существовало, подобно клоуну, в одиночку разыгрывающему спектакль и наивно верящему в него.

Именно поэтому он не стремился ни к любви, ни к браку.

Легко слетевшее с губ Цзян Жаня обращение «муж» было для него тем, от чего хотелось держаться подальше. Лу Сюй не просто не любил подобное — ему хотелось посыпать всё это рисом от злых духов.

Можно сказать, что отступление Цзян Жаня было для него даже облегчением.

Вспомнив о Цзян Жане, Лу Сюй только сейчас понял, что забыл удалить его.

Он снова достал телефон.

Нажал на аватар собеседника и обнаружил, что в его ленте появилась новая фотография.

Лу Сюй замер, но всё же открыл её.

Нельзя было не признать: Цзян Жань действительно был красив. Его невинный и чистый вид ещё больше напоминал маленького Купидона из сказки.

Он держал во рту трубочку, а губы были слегка надуты в его сторону.

Лу Сюй почувствовал абсурдность ситуации.

Что это вообще значит?

Он ведь уже перестал называть его мужем — судя по всему, отказался от попыток к нему приблизиться.

Но тут же выложил настолько милое селфи. Его поведение было совершенно противоречивым.

Так он всё-таки пытается его зацепить или нет?

Или... просто раскидывает сеть пошире?

Эту фотографию видит только он или ещё и другие перспективные «рыбки» из его списка контактов?

Или он всё ещё считает, что Лу Сюй может быть ему полезен? Например, чтобы через него получить доступ к нужным связям?

Смешно. Кого бы тот ни пытался подцепить, Лу Сюй точно не клюнет.

Размышляя об этом, он случайно задержал палец на фотографии чуть дольше, чем следовало.

WeChat открыл опцию сохранения.

Лу Сюй нахмурился и три секунды пристально смотрел на экран.

Ладно, сохраняю.

Посмотрим, что ещё он выкинет.

Примечание автора:

Жань-жань: Выложу что-нибудь не такое откровенное и попробую зацепить краша!
(Глупенькая маленькая хитрость.jpg) [звёздочки в глазах]

Краш-гэ: Зацепить меня? [закатывает глаза] Ха, смешно. Я точно не клюну. [в солнечных очках] (Сохранить.jpg)

Малыши, вы ведь заметили? Они действительно совершенно естественным образом являются противоположностями друг друга.

Один — типичный любовный мозг, а второй страдает аллергией на любовь [голова вислоухого кролика].

Пусть этот парень и дальше продолжает говорить одно, делать другое и холодно следить за экраном, м-м-м! Давай, малыш, удачи!

<http://bllate.org/book/20316/2028042>